

МАЛЬЧИК, КОТОРЫЙ ЕЛ ПРИЗРАКОВ

Мэй

съешь проклятие, иначе оно съест тебя

Мэй
Мальчик, который
ел призраков
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73979587

Мальчик, который ел призраков:

ISBN 978-5-04-247100-1

Аннотация

На болотах близ Нового Орлеана пропадают люди, и всё указывает на тёмное колдовство. Чтобы разобраться в этом деле, Изабель и её брату Генри предстоит провести ритуал и отыскать таинственного убийцу. Но Генри слабеет. Он больше не ест призраков, и некто решает воспользоваться ситуацией.

Прошлое открывается с новой стороны, принося за собой проблемы настоящему, и, чтобы спастись от барабанов вуду, героям придётся не только держаться вместе, но и заручиться помощью братьев Эш.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	14
3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Мэй
Мальчик, который
ел призраков

© Мэй, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Часть I

Мальчик, который ел призраков

1

Генри Ли знал: съешь проклятие, иначе оно съест тебя.

Генри сидел на веранде, вытянув ноги, и кивал в такт мелодии в наушниках. Он расположился в плетёном кресле, уютный выцветший вид которого резко контрастировал с тёмной одеждой.

Веранду закрывала плотная москитная сетка, необходимая луизианским вечером, когда толпы насекомых так и норовили пробраться к человеческому телу. Генри мысленно показывал им средний палец, слушал музыку и любовался с трудом видимым закатом. Из-за сетки, из-за разросшихся кустов и старых дубов, с которых свисали пряди испанского мха, сейчас окрашенные в красные и оранжевые цвета умирающего солнца.

Генри Ли любил такие моменты.

Дневной зной поутих, но воздух оставался влажным и горячим. Издалека доносился редкий шум проезжающих по дороге машин, но Генри его не слышал. Как не услышал и сестру. Она раскрыла дверь с сеткой и вышла на веранду.

Соседи считали, Изабель Ли выглядела как вдова, хоть она даже замужем не была, и ей исполнилось всего двадцать пять. В чёрном платье со старинной викторианской брошью у горла – из её собственной лавки, доставшейся от отца. Изабель остановилась позади брата и зарылась пальцами в его короткие, но густые волосы, легонько массируя.

Генри вздрогнул от неожиданности, а потом зажмурился. Ему нравилось, когда старшая сестра так делала, перебирая его тёмные, как у неё, пряди. Они вообще походили друг на друга: стройные, с чёрными внимательными глазами и бледной кожей, доставшейся от матери, французской креолки. Тонкие носы и губы, острые черты лица. Даже волосы одинаково густые, только у Изабель они волнами рассыпались по спине.

Можно было решить, что они двойняшки, так и не скажешь, что между ними три года разницы.

Изабель положила руку на плечо брата, другой вытащила наушник из его уха, задев серьгу в виде креста. Генри сам вытащил второй, к шуму moskitov прибавилось шипение музыки.

– Что делаешь? – спросила Изабель.

– Прислушиваюсь к ощущениям. Немного выматывает.

– Что? Так ты ещё не занялся делом?

– Да ладно, на меня ни разу не накладывали проклятие!

Это почти интересно.

– Поглоти его.

Генри вздохнул:

– Ладно. Это сложнее, чем съесть обычного призрака.

Изабель слишком хорошо знала брата, поэтому уловила в его голосе тревогу. Наверняка хотел, чтобы сестра присмотрела за ритуалом, но было неловко просить.

– Не тяни. Идём, я помогу.

Генри резко поднялся из скрипнувшего плетёного кресла, потянулся по-кошачьи лениво. Изабель сказала:

– Мама звонила. Как раз шла тебе сказать.

– Что-то случилось?

– Нет, она в очередной раз решила, что мы здесь наверняка голодаем. Напомнила, что дом слишком далеко от города...

– Всего полчаса!

– ...и он был старым ещё при бабушке. А теперь наверняка разваливается. И не лучше ли нам переехать ну хотя бы к ней.

Генри фыркнул, придерживая дверь и пропуская сестру внутрь:

– Её дом, конечно, почти в центре Нового Орлеана, но в нём нет души. Это не наше место. И знала бы она, чем мы тут занимаемся!

Предки Изабель и Генри восходили к европейским переселенцам, приехавшим в этот душный край сажать хлопок, и впитали все суеверия чернокожих рабов. Может, у них была своя магия. А может, они нашли её в этом краю москитов и

аллигаторов.

Бабушка Агата жила в доме всю жизнь, как и её дочь, вышедшая замуж за Роберта Ли. Их дети родились и выросли здесь, пока Роберт не заработал достаточно на антикварной лавке, чтобы переехать в город. Но после смерти бабушки внуки вернулись в дом.

Соседи любили сплетничать, что Агата была мамбо, колдуньей вуду. К ней шли, чтобы она попросила у духов лоа защиты и благословения. К ней шли, чтобы она связалась с мёртвыми и открыла перекрёстки в самые тёмные беззвёздные ночи.

Её дочь не понимала этого и стала обычной городской жительницей. Но во внуках взыграла древняя кровь.

В доме всё осталось таким, каким было при бабушке. Старые часы громко тикали, но отставали ровно на пять минут, никак иначе. Вязаные покрывала, потёртые, с торчащими кое-где нитками. Подвешенные к иконам пёрышки. Цветные бусы Марди Гра, уложенные вокруг алтаря.

Дом обожала Изабель. Старые доски дышали прошлым, как и антикварная лавка, но здесь это прошлое было живым, пульсирующим, и эта жизнь отзывалась в костях Изабель.

Генри же не интересовало, какая вазочка стоит на столе, или как отклеивается кусок обоев над крестами. Он изучал книги и записи Агаты, жёг перья и проливал куриную кровь на заднем дворе, откуда открывался вид на болота.

Генри уселся в гостиной, скрестив ноги, по худощавому

телу заскользили отблески зажжённых свечей.

В небольшой котелок, ещё бабушкин, Генри кинул несколько свечей, чтобы они расплавились. Изабель уселась напротив брата, ощущая его энергию, трепещущую, как попавшая в силок птица. Генри прошептал несколько слов и подхватил подготовленные петушиные лапки. Неуверенно глянул на Изабель, и она кивнула. Генри отправил лапки в котёл.

Эти обряды не шли Генри, будто чужая кожа, в которую он пытался влезть. Он привык к другим, к призракам и к их снам.

Когда Генри было года четыре, он сильно заболел. Изабель хорошо помнила, они тогда жили в этом доме, и активный Генри совсем сник. Он лежал, закутанный в одеяло, и доктор разводил руками, не понимал, что с мальчиком. Изабель подслушала ночью, как плакала мама, а отец её успокаивал. Генри угасал.

Они долго не позволяли Агате «её методы», считая их диким нецивилизованным пережитком. Пока бабушка не перестала спрашивать. Она позвала Изабель и сказала смотреть. Положила на постель Генри птичьи косточки, кажется, куриные. Тогда у бабушки ещё хватало сил держать собственных куриц.

– Съешь их.

Генри посмотрел удивлённо. Изабель хорошо запомнила его бледное заострённое личико и огромные тёмные глаза.

Он нахмурился:

– Они твёрдые.

– Не так. Съешь следы жизни.

Будь Изабель старше, она могла бы решить, что бабушка сошла с ума. Но тогда всё воспринималось как само собой разумеющееся. Генри протянул руку и положил маленькую ладошку на косточки. В комнате похолодало, останки не изменились, а вот щёки Генри зарумянились.

Бабушка приносила косточки и черепа разных животных ещё семь дней. На восьмой Генри окончательно выздоровел.

Теперь он наблюдал за варевом в котелке, ожидая, когда можно будет добавить свиные перья.

– Это не моя магия, – глухо сказал он. – Мне такое не близко.

– Надеюсь, больше не будет проклятий.

– Кто же думал! Я думал, она милая девушка. А она прокляла. – Генри глянул почти озорно. – Приревновала!

– Как хорошо, что твои предыдущие пассии не знали вуду и не умели проклинать.

Генри вздохнул, то ли с сожалением, что так вышло, то ли виновато.

– Ты не говорил ей, что тебе для жизни нужны призраки?

– Это не то, о чём рассказывают на первом свидании.

– Вы встречались полгода. Для тебя это много.

Генри фыркнул и подхватил свиные перья. Он точно никому не говорил. Поэтому они жили здесь вдвоём, разделяя

древнюю кровь, взывавшую к ритуалам, и тайны о том, что каждый из них делает за закрытыми дверями.

Перья полетели в котёл, Генри кинул туда же лоскуток чёрной ткани и ещё свечу. Нахмурился, ожидая, работает ритуал или нет.

В детстве, после того как он проглотил ту курицу, Изабель подошла к косточкам и сама их коснулась. Она хотела что-то сделать... и косточки сложились воедино, задвигались, желая встать на некрепкие ножки.

– Твой брат умеет поглощать остатки жизни, – улыбнулась бабушка. – Тогда к пустоте можно привязать новую душу. Ты же умеешь создавать. Здесь, правда, не душа, а забредший слабый лоя. Генри, ты сможешь его съесть?

Он смог.

А сейчас снова неуверенно глянул на Изабель, только она ощущала токи энергии. Сестра кивнула. Генри расслабился и выпрямился. Положил руки на колени, закрыл глаза, и внутри него заиграла собственная музыка. Он слегка покачивался в её ритме и вдыхал дым, шедший из котла.

Он считал, что сможет съесть и проклятие. Ведь его наложили через мелкого лоя, совсем лёгкое, это не сложная вуду-магия. Да и с лоя хотя бы чуть сильнее Генри уже не справился бы, но такого проглотит без проблем.

Генри погрузился во что-то похожее на транс, он не открывал глаз, даже когда дым иссяк, а оставшиеся свечи оплыли. Изабель тихонько позвала:

– Какой к тебе пришла история?

Он распахнул глаза, дикий, напитанный проклятием.

– Жестокой! – выдохнул Генри. – Она о мести и смерти.

О ревности. И о любви, конечно.

Он вскочил и начал суетливо собираться. Пространство вокруг него почти искрило, разбухшее от энергии. Изабель спокойно занялась свечами и котлом. Уже в дверях, Генри остановился, нервно переминаясь с ноги на ногу, как конь, жаждущий пуститься в галоп:

– Мне остаться?..

Если бы Изабель попросила, он бы так и сделал. Она покачала головой:

– Я сама приберу.

Она слышала, как взревел мотор пикапа, включила свет и отнесла котёл в мойку. Надо заняться им, пока оставшийся воск не застыл. Никакой магии, обычное средство для мытья посуды и тусклый свет. Пора оплатить счета.

Сила Изабель создавала и была спокойной, как вода в озере. Но у младшего брата чередовались приливы и отливы, а когда он поглощал слишком сильного призрака или лоя, энергии становилось так много, что её излишек требовалось сбросить. Изабель предпочитала не знать, в каких новоорлеанских барах или клубах сегодня окажется брат, с кем он будет распевать песни, или какая девчонка будет под ним стонать. Лишь бы проклятий не навешивала.

Изабель почитала книгу, посмотрела в интернете несколь-

ко предложений для магазина, ведь после смерти отца несколько лет назад она подхватила семейное дело. Генри предпочитал писать. Призраки, которых он поглощал, оставались внутри него обрывками историй. Они отдавали свои сны и приходили в рассказах, которые он записывал.

Сегодня ему надо кутить, чтобы сбросить лишнюю энергию. Завтра он будет писать.

Генри вернулся глубокой ночью. Скинул обувь и прошёл в комнату, но не свою, а сестры. Кровать у неё была большой, двуспальной. Не раздеваясь, он плюхнулся на одеяло, свернулся клубочком, уткнувшись в плечо.

Изабель проснулась, но не удивилась. От Генри пахло алкоголем, но больше – густым бальзамическим запахом ладана, призраков и тлена.

2

Изабель предпочитала придерживаться распорядка. И пусть антикварная лавка позволяла любой рабочий график, Изабель оставляла выходные выходными, а работу на будни. Встреча со старыми подругами выпала на вечер воскресенья, и это оказалось удобно.

С утра за окном висело марево луизианской духоты и стрёкот насекомых, от которых защищают москитные сетки. Лениво развалившись на кровати, Изабель читала. Комната Генри оставалась закрытой, из-за двери слышались приглушённые звуки музыки. Наверняка он писал.

Его рассказы печатали журналы, одну книгу издали, над второй он работал сейчас. Изабель читала их первой: мглистые вязкие истории, наполненные призраками – и воспоминаниями реальных духов, но об этом никому знать не стоит.

Мать регулярно сокрушалась, что сын никак не найдёт настоящую работу. Генри раздражался, Изабель вздыхала. Досадовала в те моменты, когда мать говорила уже ей, что не может она вечно содержать брата, он уже давно не маленький.

Изабель не говорила, что ещё большой вопрос, кто кого содержит. Лавка приносила небольшой стабильный доход, но основной приносила настоящая работа Генри. Не книги, бывшие его хобби. Магия и ритуалы, составлявшие его

жизнь. Энергия после призраков в нём бурлила, он с лёгкостью мастерил заряженные мешочки гри-гри и творил самые тёмные и мрачные ритуалы, вибрировавшие от энергии духов.

Всегда находились те, кому нужны такие услуги. Они щедро платили, а Генри, не смущаясь, брал деньги. Но относился к ним легкомысленно и не считал. Изабель искренне удивилась, когда младший брат даже не подумал о том, чтобы «делить бюджет». Единственный опыт Изабель проживания с кем-то ещё был прямо противоположным, Джо даже аренду за квартиру требовал платить чётко пополам.

Изабель достала простые голубые джинсы и белую рубашку, чуть ли не единственные вещи, предполагавшиеся для встреч с теми, кто не оценил бы её обычный гардероб.

Спустившись, Изабель обнаружила Генри на кухне. В одной руке он сжимал бутерброд с сыром, в другой – сигарету, и той же копался на полочке, пытаясь что-то найти, вытянувшись во весь рост.

За счёт худобы Генри казался выше, хотя и так был выше Изабель. Он себе не изменил, одетый в чёрные драные джинсы и чёрную же рубашку.

– Поешь нормально, – проворчала Изабель.

Он отмахнулся и пробормотал что-то с набитым ртом. Наконец-то проглотил бутерброд и заявил:

– Лапки закончились. Куриные.

– Ты их на кухне хранишь?

– А что? – невинно спросил Генри. – Это продукт.

– И на обрядах?

– Их едят лоа. Судя по виду, ты не передумала встречаться с теми девицами.

– Они были моими подругами, – заметила Изабель. – Я их со школы не видела.

– И Люсиль будет, та, что с носом? И Розы с дурацкими очками?

– Не такой уж у неё большой нос. И очки Розы наверняка заменила на линзы.

Генри пожал плечами. Он помнил подруг Изабель, но не интересовался ими. На самом деле, как и Изабель.

– Подвезёшь к Заку.

– Серьёзно?

– Это не было вопросом!

Генри в одну затяжку прикончил сигарету, кинул её в пепельницу на столе и первым проследовал из дома. Привычно перепрыгнул через скрипящую ступеньку на крыльце и крикнул, что ждёт в машине.

Изабель некоторое время выбирала сумочку и напоследок коснулась куклы-амулета в виде человечка над порогом. Бабушка повесила, уверяя, что сделала его в молодости. Судя по выцветшему виду куклы, ничуть не слукавила.

Усевшись за руль старенького пикапа, Изабель заметила:

– Может, нам всё-таки нужна вторая машина?

– Зачем? – искренне удивился Генри. – Если что, можно

вызвать такси. Мы не в глуши живём.

Соседний дом стоял не так уж далеко, да и сам городок был небольшим, но сливался с другими до самого Нового Орлеана. До которого по трассе всего минут тридцать ходу. Причём дорог имелось несколько, и более урбанизированная, если перебраться на другую сторону Миссисипи, и проходящая через болотистую местность, по ней обычно и ездили.

Генри нацепил солнцезащитные очки, не смущаясь, что небо заволокло хмурыми облаками. Он потёр грудь, пониже сердца:

– Точно дождь будет. Но не сегодня.

Никакой магии: однажды сломанные рёбра Генри ныли при перемене погоды. Он вытащил из бардачка ещё одни тёмные очки и бесцеремонно надел их на сестру. Пальцы его казались горячими и пахли табаком.

– Вот теперь поехали!

Он открыл окно со своей стороны, включил бойкую музыку с мрачными густыми переливами, активно кивая в такт. На пикап мать, конечно, тоже удивлялась. Старый, порой барахлящий, купленный за бесценок «на первое время» и задержавшийся на несколько лет. Принадлежал вроде как Генри, но он терпеть не мог водить, Изабель пользовалась машиной куда чаще.

Они не говорили матери, что на самом деле пикап очень удобен. В кузов отлично ставятся клетки с курицами, если

они нужны Генри для ритуалов. Изабель предпочитала что-то менее кровавое, более... созидательное. К ней шёл брат, когда у него просили талисманы на исцеление. Он с этой энергией работать совершенно не умел, как и со сложными обрядами.

Зато идеально чувствовал другую энергию, ту, что оставалась немой для Изабель.

Она заметила, как он перестал двигаться в такт музыке, повернулся в сторону окна почти с любопытством. В такие моменты Генри походил на гончую, почуявшую след.

– Интересное? – спросила Изабель.

– Возможно. Не знаю. Там что-то есть.

Время было, поэтому Изабель аккуратно съехала на узкую дорогу, как только она показалась сбоку. Едва остановила машину, Генри выпрыгнул со своей стороны. Нетерпеливый, он направился к болотам, Изабель надеялась, что не слишком глубоко. Она не боялась, что брат навернётся, он прекрасно чуял твёрдую землю, но мог увлечься, а потом бы весь в ряске радостно уселся в машину, не особенно заморачиваясь на грязь.

– Иззи! Посмотри!

Прикрыв дверцу машины, Изабель зашагала по траве к Генри. Он уселся на корточках и что-то рассматривал. Когда подошла сестра, он выпрямился. Генри чуял смерть, ощущал эту энергию, с такого расстояния это точно довольно крупное животное. Но оказалось, что тело. Наверняка до-

статочно разложившееся, но, к счастью, труп лежал в трясине лицом вниз, жидкие волосы облепляли голову.

Охнув, Изабель прикрыла рот и отшагнула, тут же упёршись в Генри. Он обнял её за плечи и отвернул от трупа.

– Извини, – мягко сказал Генри. – Не подумал, что тебе будет неприятно.

– Нет, не то чтобы... да.

– Извини.

Генри был некрупным и худощавым, но, уткнувшись в него, Изабель чувствовала себя удобно. Она не сомневалась в брате и не сомневалась, что он защитит и от непонятных трупов, и от чего пострашнее. Рубашка казалась мягкой, от неё пахло сгоревшими травами и чем-то тонко бальзамическим.

– Я в машину, – сказала Изабель.

– Да. Идём.

– Ты не будешь поглощать призрака?

– Нет.

Это обеспокоило Изабель. Обычно при таких находках Генри легонько касался косточек, поедая следы жизненных сил существ. С человеком и прикосновение не требовалось. Остатки его жизни, зацепившиеся за кости, стали бы мощной энергией для Генри.

Усевшись обратно в пикап, Генри достал телефон, быстро набрал сообщение. Ужасная находка, но далеко не первая, пару раз он наталкивался на такие вот отданные болота-

ми жертвы, чуял их. Поэтому анонимно сообщал в полицию, пусть они разбираются.

Изабель волновало другое. Вновь заводя машину и выходя на дорогу, она покосилась на брата:

– Генри, почему ты не поглотил его?

– Не хочу.

– Но ты же... когда ты делал это в последний раз? Ел призраков?

– Не помню. – Он нахмурился, не отрываясь от телефона. – Кажется, с тем проклятием.

– Прошёл месяц!

– И что? Иззи, не занудствуй.

– Тебе нужны призраки.

– Да всё нормально! – заводился и раздражался Генри быстро. – Не нужны мне сейчас призраки, и так хорошо!

Изабель не стала настаивать, тем более что Генри разозлился и, убрав телефон, подпёр голову рукой и уставился в окно, не произнося ни слова.

Это удивляло. Сколько помнила себя Изабель, Генри спокойно относился к призракам и к их поглощению. И они нужны ему. Нужны, чтобы жить.

В детстве они были близки.

Три года не казались пропастью, а любовь к бабушкиным ритуалам разделяли на двоих. Как и способности, пусть они были совсем разными, и пока Изабель училась созиданию,

Генри легко разрушал. И чувствовал смерть.

Они вместе сидели в душевной комнате, где танцевали отсветы огней, а в центре устроились люди в трансе. Бабушка Агата взяла внуков на вуду-церемонию, строго запретив говорить родителям. Генри умудрился заскучать и уснуть, воскуриваемые травы он не оценил. А вот Изабель с открытым ртом слушала музыку. После она некоторое время занималась танцами, пусть никому и не рассказывала, что вдохновило.

– Ты созидашь через танец, – говорила бабушка. – Такие как ты могут создавать ветер и призывать грозы танцами.

Изабель ни разу не пробовала. Ей нравились простенькие ритуалы, но она не увлекалась ими, как Генри. Тот, проснувшись в конце церемонии, заявил, что «дедушке не нравится», и указал в пустой угол. Ему исполнилось шесть лет, он легко ел остатки жизни и чуял призраков.

Подростком Генри стал невыносим. Его перепады настроения раздражали Изабель, тем более её тогда начали интересовать мальчишки. Лукас из школы представлял куда больший интерес, чем бабушкины ритуалы или младший брат, у которого приливы и отливы энергии после призраков накладывались на гормоны.

Хотя и тогда они оставались дружны. Но у него была своя компания, у неё – своя. Та самая, с которой она встречалась сегодня.

Изабель уехала в колледж. Она увлекалась танцами,

неплохо рисовала, ей нравилось фотографировать. Хотелось самостоятельности. Университет Южной Флориды желал видеть её в своих стенах и предлагал отличные курсы по искусству.

Изабель не думала, что будет скучать по дому, но она скучала – и по брату. Она писала Генри, он отвечал, но редко и зачастую невпопад. Изабель почти не имела представления о том, что происходит дома, когда после первого года обучения приехала на один летний месяц.

Полтора часа в самолёте, и вот она в жарких объятиях Нового Орлеана. Родители радовались встрече с дочерью, но Генри дома не оказалось. Он не явился и к ночи, но родители ничуть не беспокоились, сказав, что он у друзей.

Изабель обиделась. Как так, брат даже не соизволил с ней встретиться! Знал же, что она приедет, она ещё вчера написала.

Как оказалось, не знал. Дома Генри не ночевал уже пару дней. Родители сказали, что во время каникул «загулы» у Генри довольно частые. Порой и во время учёбы, он явно не утруждал себя школой и никуда поступать не собирался.

– Мы думали, это наркотики, – сказал отец с непроницаемым выражением лица. – Но на наркомана он не похож. И деньги не просит. Наоборот, они у него есть. Может, торгует наркотой...

Мать едва не плакала:

– Ты сможешь повлиять на брата!

Изабель исполнилось девятнадцать, а Генри шестнадцать. Она сомневалась, что может повлиять на него. Но забеспокоилась. Его телефон молчал, а потом ответил незнакомым голосом, слышно было ужасно из-за музыки на заднем плане.

– Сестра его? Мы на вечеринке Клиффа. Ге-е-е-нри! – завопил он куда-то в сторону. – Неа, не знаю, но он где-то здесь. Адрес дать?

Это была вечеринка какого-то Клиффа, Изабель о нём слышала впервые в жизни. Большой дом, полный весёлых подростков, чьи вечеринки всё-таки сильно отличались от студенческих. Так казалось Изабель с высоты девушки, закончившей целый курс университета.

– Иззи!

Он был искренне рад видеть сестру и сгрёб её в объятия. Они виделись на Рождество, но за полгода Генри успел вытянуться и из нескладного подростка превратиться в привлекательного юношу.

Ощущение силы от Генри ошарашивало. Что-то похожее чувствовалось от бабушки, но у неё, скорее, отголосок, эхо, у Генри же в полной мере. Он будто искрился, заряженный молниями. А на самом деле поглощёнными призраками.

Он использовал свой дар и отлично зарабатывал на этом. Всегда находились те, кому нужны мешочки амулетов григри на удачу или ритуал с нарисованными кровью вева. Генри с лёгкостью делал как простенькие вещи, так и что-то по-

сложнее, но не лез в высшие материи. А настоящие деньги платили не друзья, а их родители, жаждавшие связаться с мёртвыми предками или попросить лоа о помощи.

Перед отцом с матерью Генри не отчитывался, вёл себя нагло, никого не считал авторитетом, кроме, возможно, сестры. Но Изабель не думала, что брат делает что-то неправильно. Сказала быть осторожным и, если что, советоваться с бабушкой Агатой. После её слов Генри расслабился, словно боялся, что и она будет считать колдовство ерундой, как родители.

Изабель не считала.

Тем летом она задержалась дома до начала учёбы, а оставшиеся три года постоянно общалась с братом. Они отлично понимали друг друга, и в той истории с Джо Изабель не представляла, как бы справилась без Генри.

После диплома бакалавра Изабель училась подготовительный к магистратуре семестр. Но тогда умер отец, и планы пришлось изменить. Изабель не жалела, что бросила учёбу. Три года прошло, и ей нравилось дома.

Генри не уезжал отсюда надолго. И только сейчас Изабель видела то, чего не замечала тогда. Он куда теснее, чем она, связан с этими местами. Лианы переплетались с его жилами, а в венах вместе с кровью неслась мутная вода с болот.

У Люсиль действительно был огромный нос. С возрастом он стал больше и уродливее – или Изабель что-то не так

помнила. Люсиль вышла замуж за Дэвида («ну, ты же помнишь Дэвида?») и родила ребёнка, она с упоением показывала обоим на экране смартфона. Изабель ничего не имела против детей, но не видела, чем этот конкретный младенец отличается от сотни других.

Рози не избавилась от очков. Они были всё теми же, в толстой оправе мышинного цвета. Рози и волосы собирала в такую же косу, как в школе, но теперь считала её очень стильной. Она с порога заявила, что вышла замуж, и за следующие несколько часов Изабель узнала об этом муже всё и немного больше. Даже то, что знать совершенно не желала, например, как он храпит после секса.

Подруги спрашивали, как дела у неё, но Изабель терялась. Она не вышла замуж и после Джо не верила в волшебные истории о любви с первого взгляда. Про лавку подругам слушать было неинтересно. Что она могла рассказать?

«Я живу в старом бабушкином доме на перекрёстке вместе с братом, который ест призраков. Мы изучаем ритуалы вуду по старым книгам и режем куриц на заднем дворе, чтобы вызывать лоя. А по дороге сюда нашли на болотах труп. Рутин».

Подруги бы такого не оценили. На и фактам удивились.

– Тебе ведь сколько, двадцать пять? – сдержанно спросила Люсиль. – А твоему мелкому двадцать два. Пора бы вам отдельно устраивать свою жизнь.

– Пока разбираемся с бабушкиным домом. Она не хотела

его продавать, там несколько поколений жили. И Генри давно не мелкий, ты же его в последний раз видела, когда мы в школе учились!

– А чем он занимается?

– Он... пишет. Книги.

Они, конечно, не читали. Но были готовы обсудить последний нашумевший сериал, и Изабель с облегчением выдохнула. Это безопасная тема. Она глянула телефон, но от Генри давно ничего не приходило, хотя поначалу он писал сообщения, что Зак и Джейден её ждут, и пусть приезжает.

– Мы были такими глупыми, – вздохнула Роза. – Изабель, помнишь? Ты ещё в старшей школе на концерты такие дурацкие ходила.

Это было выше сил Изабель.

– Я до сих пор на них хожу, – холодно сказала она. – Одеваюсь в траурные одежды и пью абсент с братом и нашими общими друзьями.

Вряд ли ещё раз повторится подобная встреча, но Изабель не жалела. Она торопливо распрощалась с кислыми Люсиль и Роза и вернулась в пикап, усмехнувшись про себя, что машину они не одобрили бы. Стянула резинку с хвоста, распуская волосы по плечам. Взбила их руками. Достав телефон, позвонила Генри.

Изабель постукивала по рулю свободной рукой и вглядывалась в темнеющую улицу, которая наполнилась огнями. Подруги выбрали пафосный ресторан близко к центру, поэтому

вокруг сновали туристы, а их шум резко отличался от умиротворяющего гула насекомых и спокойствия болот.

Телефон наконец ответил, но голосом Зака:

– Привет, Изабель.

– А Генри где?

– Рассказывает Джейдену о разнице между крокодилом и аллигатором.

– О чёрт, он что, пьян?

– Боюсь, что да. Не знаю, как это вышло.

Изабель удивилась. Пить Генри умел, да и сам Зак звучал не совсем трезво, но точно не сильно пьяно.

– Ладно, тогда я просто заберу его домой.

– Задержишься у нас?

– Нет, завтра рабочий день.

– Вы могли бы остаться.

– Нет, Зак. Я буду минут через пятнадцать.

Изабель не любила ночевать не дома. Генри тоже. К тому же ей не нравилось, что он успел напиться, она и не помнила, когда такое бывало в последний раз.

– Изабель... слушай, я хотел попросить тебя и Генри о помощи. Раз уж не заедешь, то по телефону.

– Конечно. В чём проблема?

– Есть одна девушка, она ищет брата. Это Стивен. Он пропал какое-то время назад. Она волнуется.

Изабель нахмурилась:

– Стивен из клуба? Ну да, помню его.

– Призраки сказали, он придёт, но его не было. Мне и самому это не нравится. Куда он делся? Может, стоит провести какой ритуал?

– Хорошо, я подумаю, как лучше.

– Спасибо, Изабель.

Зак не знал вуду, но умел общаться с призраками. На этой почве они и сошлись с Генри пару лет назад, а позже и Изабель удивительно быстро вписалась в компанию брата. Там никто не спрашивал, когда она выйдет замуж, зато восхищались чёрными платьями и обсуждали краску для волос. Счета, проблемы и обыденные вещи тоже обсуждали, но они не становились центром мира, не вытесняли интересы.

Изабель подъехала к дому, где жил Зак, чуть раньше, но долго ждать не пришлось. Генри вышел, чуть пошатываясь, плюхнулся на сиденье, пристегнулся и прикрыл глаза. Даже когда он совершенно пьян, по нему было не так уж заметно. Но туго соображал и подолгу зависал на одних и тех же мыслях, не понимая, как сформулировать. Сейчас он благо-разумно предпочитал молчать.

Изабель закрыла окна и включила климат-контроль, и в машине царила приятная свежесть. Уже совсем стемнело, и дорога монотонно выделялась, освещённая фонарями и фарами других машин.

– Останови машину, – внезапно промямлил Генри.

– Что? Мы почти приехали.

– Хочешь, чтобы я тут блевал?

Изабель остановилась, и Генри снова был быстрее, чем она, буквально вывалившись из пикапа. Изабель вышла следом, сразу окунаясь во влажную, липнущую к спине ночь. Дождя так и не было, но, судя по всему, завтра. В воздухе пахло ливнем и болотами.

Генри стоял, упёршись руками в колени, Изабель почти сочувствовала, пока его выворачивало. Правда, считала, что сам виноват. Она вернулась на водительское место и подождала брата.

– Зачем было столько пить? – поинтересовалась Изабель, выводя пикап на дорогу.

– Не знаю, – пробубнил Генри, копаясь в бардачке. – Я не так много пил. Где вода, здесь же точно была, я помню...

– Подожди, сейчас уже дома будем.

Генри вздохнул и вдарился в длинные пьяные разглагольствования, сводившиеся к тому, что он не то чтобы много выпил, но, возможно, стоило лучше поесть.

Изабель спала чутко. И часто плохо. Поэтому не удивилась, когда проснулась этой ночью, тем более стояла страшная духота. Изабель закрыла окна и включила кондиционер, пусть не очень его любила. И решила на всякий случай проверить брата.

Изабель зажгла свет в коридоре, тихонько приоткрыла дверь в комнату Генри, но с удивлением увидела пустую кровать. Она распахнула дверь шире и тут заметила его.

Генри сидел на полу, прислонившись спиной к старой бабушкиной тумбочке. На нём было бельё и старая выцветшая футболка для сна, он уткнулся головой в острые коленки и обхватил их руками.

– Генри? – позвала Изабель, опускаясь перед ним.

Когда они вернулись, он надолго пошёл в душ, чтобы протрезветь, но, похоже, не сработало.

– Генри, тебе приснился кошмар?

– Нет. Не могу уснуть. – Он поднял голову, обхватил руками уже себя. Лунный свет блеснул на серье в виде креста. – Иззи, ты от меня не устаёшь?

– В смысле?

– Меня вечно так штормит, я сам от себя устаю.

– Ох, Генри...

Изабель растерялась, не зная, что сказать. Зато теперь не сомневалась, что брата точно что-то мучает. Он не скажет так сразу, что именно. Может, поэтому он упорно отказывался есть призраков, пусть скоро это наверняка скажется на его собственной энергии.

Он потёр лицо руками, и в этом жесте было что-то от беззащитного мальчика из детства. Что-то хрупкое и ломкое.

– Извини. Тебе завтра вставать рано, а тут я. – Он вздохнул. – Как ты меня терпишь, Иззи?

– Я тебя не терплю. Я тебя люблю.

Она поднялась на ноги и протянула руку:

– Идём. Тебе надо выспаться.

Он не возражал, покорно завалился на кровать, заворачиваясь в одеяло. Изабель уселась в кресло рядом, слушая, пока дыхание брата не замедлилось, показывая, что он уснул.

В детстве Изабель часто мучили кошмары. Маленький брат тогда часто приходил к ней, он каким-то образом чувствовал, если она просыпалась среди ночи. Забирался молча к ней в постель и прижимался к спине. После этого Изабель хорошо спала до утра.

Когда они выросли, после смерти отца самого Генри мучили кошмары. Какое-то время он не спал без снотворного, а после положенной отмены лучше не стало. Но рядом с сестрой он засыпал спокойно.

Изабель тогда много наслушалась от врачей – и он тоже. Заявления о том, что Генри эмоционально нестабилен, были самыми милыми.

Изабель не вспоминала то время.

Но прошло уже несколько лет, и что бы ни мучило Генри сейчас, она узнает и сможет помочь.

Мать была права, бабушкин дом был старым ещё при её жизни.

И всё же Изабель любила это место. Как и Генри. Низенькое крепкое строение, конечно, требовавшее ремонта. Бабушка любила говорить, раз дом пережил ураган «Катрину», значит, переживёт всё на свете. Её он тоже пережил.

Бабушка Агата умерла полгода назад, но это не было неожиданностью. Наоборот, в последние годы она сильно болела, перенесла несколько инсультов и говорила, что готова уйти. Ей стало сложно не только содержать дом, но ходить и дышать.

Она мирно умерла в больнице, всем было жаль, но эта была спокойная грусть. Изабель давно ждала этого, она видела, насколько трудно бабушке, как её тяготили болезни и слабость.

Изабель боялась, что эта смерть слишком повлияет на брата и мать. После смерти мужа та очень сблизилась со своей матерью. Но, к удивлению Изабель, её мать хоть и плакала, но горевала спокойно. «Она прожила спокойную жизнь и давно была готова уйти». Впервые Изабель подумала, что мама пусть и не любила колдовство, но что-то такое наверняка ощущала.

Как и Генри. После похорон он признался сестре, что даже

рад.

– Наверное, это неправильно, – смутился он. – Но она устала жить. И в последнее время была особенно близка к смерти. Она звала её, и смерть наконец-то пришла.

Он чувствовал такие вещи. Изабель радовалась, что сама она – нет. Ей бы не хотелось ощущать, кто из друзей или случайных встречных скоро умрёт.

Бабушка оставила дом внукам и не желала, чтобы они его продавали. Они и не собирались. Генри загорелся перебраться в пригород и заняться бабушкиными книгами по колдовству. Он жаждал знать больше. У Изабель как раз заканчивался срок аренды квартиры, и она подумала, что ей тоже интересна библиотека. Так они и переехали сюда.

Генри чинил, если что-то ломалось, или вызывал рабочих. Изабель занималась уборкой и приведением дома в порядок. Они ничего толком не меняли внутри, это казалось неправильным по отношению к бабушке. Изабель опасалась, что будет чувствовать себя неуютно в доме, но ничего такого.

Она сидела на кухне в длинной чёрной футболке с невообразимым принтом графичной современной ведьмы, листала ленты соцсетей на телефоне и неторопливо ела кашу. Изабель нравились уютные утренние часы, прежде чем она отправлялась в лавку.

За окном хмурилось небо и шёл дождь. Брат оказался прав, ливень пришёлся на сегодня.

Подняв голову, Изабель посмотрела на окно, но за си-

зой пеленой не были видны даже болота. Дом стоял на краю городка, приземистый, двухэтажный, не такой уж большой. Изабель заняла спальню, где когда-то жили родители, Генри выбрал комнату, где спали они сами в детстве. Бабушкина стояла большую часть времени запертой, она служила скорее библиотекой и складом всевозможных свечей и амулетов, а работать Генри предпочитал в большой гостиной на первом этаже.

Изабель помнила, как бабушка держала куриц на заднем дворе, но теперь там осталось несколько пустых клеток, разобрать которые никак не доходили руки. Генри иногда использовал двор для ритуалов, где требовалась кровь. Изабель же любила сидеть там вечером, слушать стрёкот насекомых и наблюдать, как солнце ныряет в болота.

От сквозняка под потолком закачалась конструкция из косточек и перьев, какой-то очередной старый амулет. Взгляд Изабель скользнул к мойке, где она оставила подсвечник, чтобы вычистить из-под воска. Странное переплетение керамики, символизировавшее то ли корни, то ли кишки. Изабель нашла подсвечник перед статуэткой Девы Марии, обёрнутой в бусы Марди Гра. Бабушка была истинной вудуисткой, Изабель не так хорошо в этом разбиралась, но Генри с готовностью рассказывал.

А вот посетить церемонию через пару недель она планировала. Её позвала мисс Хэвишем. Она жила через три дома, очень дружила с бабушкой Агатой, а сама была ровесницей

мамы. С её сыном Адамом Генри в детстве сбивал коленки, но сейчас Адам вроде бы стал врачом и жил в Новом Орлеане. А вот мисс Хэвишем долго собиралась, но зашла недавно в гости и осторожно спросила у Изабель, не хочет ли она пойти на церемонию.

С детства в память врезались пляски под барабаны, душевные трансы и песни, взывавшие к диким временам. Конечно, Изабель согласилась.

Наверху послышался шум, отчётливый в молчаливом доме. Похоже, Генри проснулся. Рановато для него. Изабель отправила в рот ещё одну ложку каши, подумав, что вечером стоит зайти в магазин и купить молоко и изюм.

– Иззи...

Генри встал в дверях, прислонившись к косяку. Какой-то блёклый, сгорбленный. Он был в той же выцветшей безразмерной футболке, но надел джинсы и обхватывал себя руками.

– Иззи, мне как-то нехорошо.

Она хотела едко сказать, что не стоило пить накануне, но осеклась. Что такое похмелье, Генри знал и точно говорил о другом. Да и что-то в его тоне настораживало.

Оставив ложку в каше, Изабель подошла к брату и коснулась ладонью его лба.

– Да ты горишь! – ахнула Изабель.

Вид у Генри правда был больной, и он посмотрел на сестру, не понимая, что ему с этим делать. Он редко болел и бо-

леть совершенно не умел, сейчас напоминая себя в детстве. Тогда он верил, что старшая сестра всё на свете знает лучше.

– Иди в постель, – приказала Изабель. – Я найду градусник и лекарства.

В бабушкину аптечку они почти не залезали, как-то не было нужды. Теперь же Изабель копалась, прикидывая, что из этого может пригодиться и у чего не истёк срок годности. Она совершенно не разбиралась в лекарствах. Позвонила Молли, своей помощнице, в лавку и попросила сегодня поработать без неё.

Дождь усилился, со змеиным шипением разбиваясь об окна, когда Изабель поднялась в комнату Генри. Он выглядел совсем больным, тело горело от сильного жара, а градусник подтвердил, что всё хуже, чем думала Изабель.

Она вернулась в гостиную и позвонила доктору Харрисону. Он был ровесником бабушки и раньше работал в ново-орлеанской больнице Окснера, но давно вышел на пенсию. Изабель помнила его с детства, он «по-соседски» осматривал бабушку, не отказывал с советами и даже корректировал лечение отцовской больной спины.

Выслушав сбивчивый рассказ, доктор Харрисон сказал:

– Ничего страшного. Давай-ка, подойди к аптечке, я расскажу, что нужно. Твоя бабушка была запасливой.

Под его руководством Изабель нашла лекарства.

– Это събьёт температуру, Изабель. Если после обеда снова поднимется, позвони мне, я зайду. И присматривай за бра-

том.

Спокойный голос Харрисона подействовал успокаивающе, а его совет вызвал улыбку: как будто иначе Изабель бы бросила брата. А ещё это звучало очень в бабушкином стиле. Она частенько обоим внукам велела присматривать друг за другом. Можно подумать, оба были ходячими магнитами для неприятностей.

Ну, Генри – может быть. Иногда. Себя Изабель всё-таки считала разумной и в неприятности обычно не попадала. Кроме Джо. Но у всех же бывают неудачные моменты.

Взгляд Генри был мутным, он, кажется, вообще не соображал, что Изабель ему даёт и зачем. Но покорно всё выпил и улёгся обратно в постель. Сжался, подтянув ноги к груди, его начало потряхивать от озноба. Изабель закутала брата в одеяло и улеглась позади него на тесной кровати, обнимая. Конечно, это было глупо, но ей казалось, что так она сможет помочь.

Через какое-то время он перестал дрожать и крепко уснул.

Изабель вернулась в гостиную и устроила на коленях ноутбук. Немного поработать она могла и удалённо, каталог давно требовал реорганизации.

Телефон громко зазвонил, Изабель нажала кнопку приёма, торопливо глянув на имя Зака. Ей не хотелось, чтобы громкая трель разбудила Генри.

– Привет. Я до Генри не дозвонился.

– Да, он спит. Заболел.

– Что-то серьёзное?

– Надеюсь, нет. Температура высокая.

– О... я хотел встретиться вечером.

– Не сегодня.

– Да, конечно. Может, вам что-то нужно? Я бы привёз.

– У тебя нет клиентов?

– Сегодня нет. Может, лекарства какие? Или продукты?

В вашем захолустье до магазинов три дня по реке!

Зак нравился Изабель. Ровесник Генри, высокий, спокойный, он зарабатывал тем, что набивал татуировки, а вечерами под густые ритмы Мэнсона из колонок вызывал призраков. С ним было легко и приятно, он ощущался струящимся, сам словно призрак.

Это беспокоило Джейдена, его младшего брата. Не обладая ни каплей дара общения с призраками, тот всегда присутствовал на сеансах Зака и почти параноидально следил за происходящим. Он боялся, что призраки уведут слишком далеко, поэтому «был наготове», чтобы утянуть брата обратно. Изабель считала всё это болезненной привязанностью, пока Генри не рассказал, что так умерла их мать.

Отец настолько ненавидел дар, унёсший её жизнь, что не смог оставаться с сыном и уехал на другой конец страны. Он и Джейдена планировал увезти, но тот упрямо заявил, что останется здесь.

Изабель помнила, как испугалась за Генри, когда узнала Зака и Джейдена. А вдруг и брат может уйти за призраками?

Вдруг на самом деле то, что он делает всю жизнь, опасно? Она осторожно спросила об этом у Генри, тот лишь рассмеялся.

– Я не говорю с призраками и не слышу их. Как я могу с ними уйти? Я чувствую смерть. Питаюсь энергией. Призраки для меня энергия, я их ем и на какое-то время получаю часть их знаний и ощущений. Как яркий сон.

А ещё Изабель помнила, что без этого Генри начинает болеть. Совсем маленьким он слабел, позже были и другие случаи.

Ему было восемь, и он упал в обморок посреди урока арифметики. Вся школа переполошилась, а бледный Генри вцепился в руку Изабель и просил увести его на кладбище. Она догадалась, в чём дело, поэтому приехавших родителей попросила отвезти их к могилам. Они не хотели, считали, что Генри нужно в больницу. Изабель устроила настоящую истерику, ведь это важно! Родители согласились, и больница не понадобилась, вскоре Генри уже казался здоровым и резвым.

Хотя до врачей они доехали, обследования ничего не показали. Генри потом признался Изабель, что ему было любопытно узнать, что будет, если он какое-то время не станет есть призраков.

– Не делай так!

Ему было одиннадцать, когда он снова попал в больницу: на этот раз разболелся живот, подозревали аппендицит. Об-

следования снова ничего не показали, а Генри быстро стал самым здоровым и энергичным ребёнком в больнице – там было полно призраков, а он попросту забыл о них, увлечённый переходом из начальной школы в среднюю.

Насколько знала Изабель, больше Генри не болел. Ничего серьёзнее простуды, которую он порой подхватывал. Как она считала, энергия, получаемая от призраков, отлично питала и справлялась с вирусами.

А сейчас он отказывался есть.

– Изабель? – осторожно окликнул Зак. У него в трубке на заднем плане что-то играло.

– Извини, задумалась. Да. На самом деле, если тебе не сложно, есть кое-что, что нам нужно. Скелет. Череп. Мёртвая зверушка подойдёт.

– Эээ... недавно умершая?

– Не обязательно. Главное, не разделанная. Куриная лапка из магазина не пойдёт, а вот косточка от сгнившего трупа вполне. Или приведи с собой какого-нибудь призрака. Но с животными проще, у них точно неразумные остатки жизненных сил.

– Хорошо, Изабель. Я постараюсь.

Он не задавал лишних вопросов, прекрасно зная, зачем такое требуется.

Положив трубку, Изабель попыталась сосредоточиться на работе, но дело не шло. Вдохнув, она проверила Генри, он спал, с головой завернувшись в одеяло. Изабель зашла в су-

мрачную комнату бабушки, невольно остановила взгляд на продавленном кресле, где та любила сидеть. Взяла корзинку, где хранились вещи для гри-гри.

Изабель спустилась в гостиную. Она разбиралась в амулетах на здоровье, не была уверена, что Генри это поможет, зато можно занять руки.

Сначала ловко сшила холщовый мешочек. Положила туда нужные травы, пару камушков. Тонкую звериную косточку, очень соответствовавшую духу Генри. Присоединила несколько зёрен. В ванной взяла с расчёски волос Генри, дополнила своим и несколькими заговорёнными словами.

Генри сам спустился вниз, притащив с собой одеяло.

– С тобой спокойнее, – пробормотал он.

Изабель не возражала, когда Генри улёгся рядом с ней на диван. Но настояла, чтобы он повесил на шею мешочек. Генри удивился, а после улыбнулся:

– Спасибо, Иззи.

Он опустил голову, позволяя надеть амулет. Волосы у него были влажными от пота и слипшимися.

Пока Генри спал, Изабель и самой работалось на удивление хорошо. Она бойко отвечала Молли по мессенджеру, пока не ощутила, что подъезжает Зак.

Она сама не понимала до конца, было ли это предчувствием, как считали бабушка и Генри. Или она правда слышала едва уловимый шум, как полагала мать. Но, когда к дому подъезжала машина, Изабель об этом знала.

Она встречала Зака на крыльце. Сощурившись от яркого света дня, смотрела, как он паркуется и по лужам подходит к ней. К счастью, дождь уже прекратился.

Зак чем-то походил на Генри, темноволосый, но гораздо шире в плечах, атлетично сложенный. Да и манеры у него были совсем другие, плавные.

– Вот! – Он поднял подозрительного вида мешок. – Нашёл только свежую.

– Спасибо, Зак.

Он поднялся на крыльцо, и под его весом скрипнула ступенька.

– Это нужно для лечения? – спросил он.

– Не совсем. Генри давно не ел призраков. Думаю, поэтому и болеет.

Зак кивнул и поднял тёмные очки на лоб. Волосы на висках выбриты, уши украшало множество серёг, а на тыльной стороне руки мелькнули завитки татуировки. Его семья была каджунской, предки жили во франкоговорящей Канаде, и говор Зака едва уловимо звучал иначе. Он проглатывал некоторые окончания слов, а гласные звучали отрывисто, как его имя.

Зак с любопытством оглядывался, пока Изабель распахивала двери.

– Мне нравится дом! – искренне сказал Зак. – Рад, что вы живёте здесь. Жаль, твоя мать так и не прониклась этим местом. Оно очень... родовое.

– Она любит город. И в этой стороне шоссе на Батон-Руж, там погиб отец в аварии. Пускай до места далеко, мать особенно не любит всё, что западнее Нового Орлеана.

Изабель этого не понимала. Дорога – это всего лишь дорога. Какая разница, где произошла авария? Тем более далеко отсюда, почти у Батон-Руж. Изабель куда страшнее представлялась не сама авария, а всё, что произошло позже.

Тогда Генри рассказал ей всё. Не сразу, но рассказал. Обо всём, что было. Почему он теперь-то не желает ничего говорить и отказывается от призраков?

Они вполголоса переговаривались с Заком, входя в гостиную. Генри проснулся и пошевелился. Изабель присела рядом с ним и через одеяло ощутила жар его тела, температура снова стремительно поднялась. Настолько, что Генри не был готов встречать друга.

– Ох, Генри.

Изабель погладила его по голове, протянула руку и запустила её в открытый Заком мешок. Она вытащила тушку, с удивлением увидев, что это цыплёнок со свёрнутой шеей. Похоже, по пути Зак заехал к кому-то, кто держит куриц. Может, ритуальных.

Для Изабель не имело значения. Главное, цыплёнок лично подходил.

– Генри, – тихонько позвала она.

Взяв его руку, Изабель положила её на свою ладонь, в которой лежало пушистое тельце. Кожа казалась сухой и горя-

чей. Изабель почти сразу ощутила... что-то. Движение энергии. Тиканье старых бабушкиных часов на стене сливалось с ритмом сердца.

Генри резко распахнул глаза, уставился на собственные пальцы поверх птичьей тушки. Отдёрнул руку и подскочил так резво, что Изабель не сомневалась: он поглотил остатки жизненной силы цыплёнка.

– Нет! Я не хочу! Иззи, какого чёрта? А ты ей помогаешь?

Он метнул гневный взгляд на Зака, и тот сделал шаг назад, примиряюще подняв руки:

– Я лучше пойду. Это ваше дело. Позвоню позже.

– Спасибо, Зак, – ещё раз поблагодарила Изабель.

Она аккуратно положила цыплёнка на столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.